

Скиталец

Лес разгорался

Оригинал здесь: [Книжная полка Лукьяна Поворотова](#).

I

На луговой стороне Волги стоит голая каменистая гора, похожая на опрокинутый вверх дном котел. Зовут ее курганом.

Курган странно и неожиданно возвышается на плоском песчаном берегу. Передняя часть его, обращенная к реке, безжизненно-каменная, а затылок покрыт зеленой березовой гривой.

Позади кургана гладкая степь до самого горизонта.

У подошвы горы приютилось маленькое село с белой церковкой; оно называется Буяном.

Весной Волга подходит вплоть к селу и кургану, заливая кругом все луга и перелески, и тогда стоит курган среди широкой водной равнины. Через Волгу, прямо против кургана, виднеются крутые зеленые горы, заросшие кудрявым лесом, окаймленные внизу, около воды, сверкающей белой полосой: это каменоломни обнажили их девственные известковые груди.

И стоят горы, словно девичий хоровод, зеленой гирляндой, белогрудые, кудрявые, отраженные в реке, как в зеркале, и молча улыбаются кургану, но курган угрюм и печален: голый, каменный, он словно сжал и затаил в твердом сердце своем огромное, глубокое горе.

Из-за спины его глядит серое, голодное село с маленькой беленькой церковью.

Бедно живет Буян. Земли у буяновцев мало, и родит она плохо: они умерли бы с голоду, если бы не кормилица-Волга, если бы не благодатные горы: весной у кургана бывает хлебная пристань, и буяновцы грузят; а летом они идут в горы, в каменоломни, и ломают камни.

Тяжел и суров их труд: каждый год во время ломки камня погибает их несколько человек, раздавленных каменной глыбой, и каждый день кто-нибудь возвращается с работы окровавленный. Оттого и характеры у буяновцев дерзкие, мрачные, оттого и пропивают они осенью почти весь свой заработок.

Вдали с кургана виден большой, красивый город. Днем он блестит на солнце золотыми головами церквей, а ночью горит красными огнями, словно тысячью пламенных глаз. И кажется, что многоглавый исполинский зверь днем и ночью смотрит на приволжские села, внушает им что-то и властно притягивает к себе своим огнем и блеском, как бы простирая к ним длинные лучистые нити, по которым льется ток его жизни, отзываются удары его сердца. Он не только вытягивает из этих сел жизненные силы, но и сам дает в обмен что-то горькое и острое, блестящее и опасное, то, что мучит, но зажигает, что становится огненным оружием против него же. Можно подумать, что в дымящихся зданиях каменоломен, мельниц и кузниц, разбросанных по берегу у подножия гор, в зданиях, где мучатся поработанные села и деревни, – сотни мускулистых рук уже куют богатырский меч освобождения.

А кругом, по обоим берегам громадной реки, день и ночь горят заповедные, вековые леса. Облака серого дыма вместе с запахом гари, разрежаясь, плывут над горами от горизонта к Волге, и над нею стоит серый, дымный туман.

Ночью по всему небосклону – то за лесистыми горами, то в далекой степи – пылает гигантское зарево, освещающее кровавым светом высокое ночное небо. Едва потушат пожар в одном месте, как огонь появляется в другом. Но крестьяне как бы не замечают лесного пожара, не любят говорить о нем. Лица их серьезные, уклончивая речь коротка и осторожна. Молчат крестьяне.

Горит огромное богатство, дивная красота, первобытный угол мира. Быть может, скоро пламя охватит милые кудрявые горы, обоймет каждую стройную сосенку, и запылает вся страна.

Тревожным настроением затишья перед грозой охвачено все кругом: и горы, и Волга, и старый печальный курган.

Тревожнее блестит вдали каменный город, окутанный облаком дыма и пыли, напряженнее смотрит он в темную весеннюю ночь своими кровавыми глазами на тихие приволжские села, озадаченный тем, что со всех сторон приближается пламя.

Все молчит; молчит напряженно, тревожно, торжественно...

Лес разгорается...

II